

Алексей Дьяченко
Суженая

Алексей Иванович Дьяченко

Суженая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067977

ISBN 9785449007698

Аннотация

У Сергея Сермягина жена и дочь, понятная размеренная жизнь. Встреча с соседкой, Татьяной Танышиной, всё изменила. Действие происходит в городе Москве в конце двадцатого века.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Таня	6
Глава первая	6
1	6
2	19
Глава вторая	25
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Суженая

**Алексей Иванович
Дьяченко**

© Алексей Иванович Дьяченко, 2017

ISBN 978-5-4490-0769-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прошедший день, седьмое сентября тысяча девятьсот девяносто восьмого года, стал самым счастливым днём в моей жизни.

После полуночи прошло пять часов, скоро рассвет. Я сижу на кухне за круглым обеденным столом и пишу эти строки. Заканчиваю почти что сказочную историю. Повествование моё торопливо и сбивчиво. Спросите, зачем нужно было спешить? Всему виной отсутствие времени. С минуты на минуту на кухню придёт кошка Соня и попросит завтрак. Из комнаты выйдет племянник Максим в спортивной форме, приглашая к пробежке на берег Москвы – реки.

Понимая, что другой возможности может и не представится, рассказ я написал за одну ночь. Для удобства разбил его на две части. В первую поместил события, случившиеся в тысяча девятьсот девяносто третьем году, а во вторую всё то, что произошло впоследствии.

Тешу себя надеждой, что не без пользы проведёте время, перелистывая страницы моего изложения.

Искренне ваш, Сергей Сермягин.

Часть первая. Таня

Глава первая Сорванцова. Боев. Медякова

1

Подходя к дому, я обнаружил, что потерял ключи от квартиры. Со мной такого раньше не случалось. В голове мелькнула мысль, что это к переменам. Хотя, какие это могли бы быть перемены, мне даже и в голову не приходило. Моя жизнь, подобно реке, текла по давно проложенному руслу и будущее, как казалось, было расписано на сто лет вперёд. Даже крушение страны и изменение строя с социалистического на капиталистический не внесли существенных корректив.

На улице хозяйничала весна, гремели водосточные трубы, барабанила капель, сто тысяч солнц смотрело на меня из луж, витрин и окон. Несмотря на досадную неприятность, утрату ключей, настроение было превосходное. Я зашёл в овощной магазин, рядом с домом. Жена собиралась тушить рыбу и просила купить морковь. На витрине все кор-

неплоды были, как на подбор, размером со снаряд для пушки. Подумав, решил здоровьем не рисковать и собрался было уйти, но почему-то задержался.

В это время сутулую невзрачную продавщицу в сером заношенном свитере, больше похожую на чумазого подростка, сменила статная красавица в белом халате. Это была Любовь Сорванцова, моя соседка по лестничной площадке. Увидев Любу, я невольно улыбнулся.

Покупатель, которого отказалась обслуживать ушедшая женщина, без задней мысли сказал сменившей её Сорванцовой: «Буду у вас первым». Люба посмотрела на него долгим проникновенным взглядом, после чего погрузилась в воспоминания. Не заботясь о том, что её ждёт очередь, покупатели, она бездумно взяла в руки баклажан и, обращаясь к «первому», произнесла: «Надо же, какой твёрдый». Она сказала эти слова таким голосом, что все взрослые люди в очереди покраснели. Заметив меня, прямо через прилавок, соседка протянула руку для рукопожатия. И когда в ответ я подал свою, то она схватилась за неё так крепко и держалась, не отпуская, так долго, что мне стало неловко. В поведении Любы наблюдалась болезнь и, видя это, никто из очереди не решился одёрнуть продавщицу, вступив с ней в пререкания.

Дома, как того и следовало ожидать, никого не оказалось, все были на работе. Я вышел на улицу и стал наблюдать за тем, как Родион Борисович Боев, гражданский муж Сорванцовой, кормит у скамеечки дворовых кошек. Благодаря

заботе и щедрости Родиона Борисовича, у подъезда постоянно собиралась целая команда этих ласковых и безобидных животных.

У Боева, все это знали, было два «бзика»: он любил поговорить о научных открытиях и о своей «весёлой» супруге, которую боготворил и ласково называл «жёнущкой». Все разговоры соседа были только об этом.

– Сегодня я смотрел фильм про Циолковского, и в мою голову пришла удивительная мысль, – заговорил со мной Боев, оглаживая кошку. – Дело в том, что Константин Эдуардович двадцать лет своей жизни потратил на создание и разработку цельнометаллических дирижаблей. Писал работы, делал чертежи и потом всё это отдал в общество любителей воздухоплавания. У него всё забрали и ответили отказом. А через три года, в Германии, вышел проект графа Цеппелина, удивительно повторяющий дирижабли Циолковского. Так вот о чём я подумал. Дирижабли всегда наполняли водородом. Внутри обшивки, так или иначе, попадал воздух, смешивался, возникала гремучая смесь и дирижабли взрывались. Рано или поздно любой дирижабль это ждёт. Поэтому Циолковский придумал наполнять их не водородом, а тёплым воздухом, исходящим от двигателей. Двигатель работает, крутит направляющие винты, а горячий воздух выгребается в дирижабль. Нормально работает система?

– Нормально, – согласился я.

– Нормально и безопасно, – дополнил себя Родион Бори-

сович, – Лишний воздух стравливается через клапаны. Замечательная идея. А знаешь, какая есть идея у меня?

– Какая?

– А идея такая. Что легче воздуха? Гелий. Правильно? А что легче гелия? Водород. А что легче водорода?

– Вакуум? – брякнул я.

– Умница! – одобрил мою фантастическую версию Боев.

– Что же это получается? «Вакуумные дирижабли»?

– Я вот и думаю, – рассуждал вслух Родион Борисович, – А что, если ни водорода, ни гелия туда не нагнетать, а просто взять да и выкачать воздух?

– Создать вакуум?

– Именно.

– А вакуум имеет объём?

– Вакуум объёма не имеет. Но если сделать жёсткую конструкцию, без воздуха, она же будет легче окружающей среды. Получится, как ты говоришь, «вакуумный дирижабль». Ведь сам Циолковский изобретал именно жёсткие конструкции для дирижаблей. Не надувающиеся, а жёсткие. То есть конструкция дирижабля, – она не сдувается. Она жёсткая. Кто нам помешает выкачать воздух оттуда?

– Вот вы говорите, рано или поздно водород смешивается с воздухом. А если воздух смешается с вакуумом? Взрыва не будет?

– А что с чем вступит в реакцию? Дирижабль всего-навсего будет терять высоту и всё. Затем всю эту «фигню» можно

сделать сотовой, ячеечной. Как соты у пчёл. Вспомни плёнку упаковочную с пузырьками воздуха. Примерно такую надо сделать, но только вместо пузырьков воздуха, чтобы были пузырьки с вакуумом.

– А это технологически возможно?

– А почему нет?

– Тогда почему никому в голову не пришло такое столь очевидное инженерное решение?

– К Наполеону пришёл инженер за деньгами на строительство парохода, показал чертежи. Тот инженеру задал точно такой же вопрос. «Если всё так элементарно, как ты говоришь, почему никому другому не пришло это в голову?». Не поверил, отказал в финансировании. По злой иронии судьбы к месту заключения на остров Святой Елены, англичане Бонапарта транспортировали на пароходе. Вот и я тебе сейчас толкую про открытие века, о «вакуумном дирижабле». Для него не нужен гелий, не нужен водород.

– Постойте, Родион Борисович, но вы же, по-моему, оканчивали Институт Патентоведения? Вы бы могли это открытие как-то запатентовать и остаться при этом в живых?

– В теории – да. Спросят: «Вы пришли к нам запатентовать „вакуумный дирижабль“? Как интересно. Никуда не уходите». А если говорить без смеха... Смотри, всегда происходят какие-либо изобретения. Как ты верно подметил, наступает время, и какая-нибудь умная мысль приходит в голову одновременно всем. Поэтому сейчас, возможно, эта

мысль пришла в голову не одному мне. Гелий дорогостоящий, водород взрывоопасный. И потом эти газы – с ними столько возни. Заправка, отправка, поправка.

– Подождите, а как дирижабли будут садиться?

– Эта проблема второстепенная. Главное – это оторваться от Земли на промышленное расстояние. Хотя бы метров на тридцать. Ты только представь, что этот вакуумный дирижабль ни взорвать, ни поджечь нельзя. Стрельнут ракетой, ну повредятся несколько пузырьков, сама конструкция в любом случае полетит дальше. Мне пришла в голову технологическая мысль. Я придумал, как делать «вакуумные дирижабли» чисто технически. Суть заключается вот в чём. У дирижабля огромный объём, откачать из него воздух проблематично. Нужно сделать установку, выдувающую пластиковые шарики. А потом мы берём и из этих шариков выкачиваем воздух. У нас получатся маленькие, пластиковые, вакуумные шарики. Представь, что эта установка работает непрерывно и у нас появляется миллион таких шариков. Мы берём огромную гондолу, разделённую на сектора, и всё это пространство забиваем вакуумными шариками. Вот тебе уже и вакуумная гондола. И вся эта масса будет поднимать дирижабль. Но пока что она стоит у нас на якорях, и мы строим конструкции. Обязательно нужны двигатели.

– Какие?

– Любые.

– Поднимающие вверх и опускающие вниз?

– Для этого имеются рули. Так же управляют с их помощью поворотом влево и вправо. Можно сделать и с крыльшками. Наш дирижабль будет летать, как самолёт. При этом он сможет останавливаться и зависать в воздухе. И что самое интересное... Ну, сдохли двигатели. Ладно. Починим, подождём. Прилетит вертолёт, новые двигатели поставим, – полетим дальше. Никаких проблем. Слышал последние новости? Грохнулся гражданский самолёт, не хватило топлива долететь до аэродрома. Наш дирижабль не грохнется. Топливо дирижаблю нужно только для двигателей управления. Понимаешь, – это же революция! Замена водороду и гелию! Как говорят: «Почему до этого никто не додумался?». Этот вопрос постоянно всех терзал и не оставлял в покое. Кто-то берёт и объявляет мысль. И все думают: «А почему раньше никто до этого не додумался? Ведь всё ясно, понятно».

– Но это технически возможно?

– Элементарно. Я же всё-таки методист технического творчества. Есть такой закон: «Была бы идея, а средства её реализации могут быть самые разные». Ты ведь знаешь, что первый телевизор был механический?

– Вы говорили. Если честно, с трудом представляю, – усомнился я.

– Была лампочка, через линзу свет. И этот свет управлялся механикой. То свет есть, то его нет. То ярче, то тусклее. И возникала картинка.

– Забавно. А чего вам эта мысль в голову пришла? – вер-

нул я Боева к его изобретению.

– Я Циолковского смотрел, а там как раз рассказывали о проблеме водорода, о дороговизне гелия. О трудностях создания дирижабля. Почему не могли запустить? Не было подходящего материала.

– А сейчас же и материалы новые появились.

– Я же и говорю, появились пластики, из которых мы можем спокойно делать вакуумные шарики. Тут одно условие, пластиковый шарик должен сохранять форму. Нужен прочный пластик, такие теперь есть.

– А этот пластиковый шарик будет подниматься?

– Если мячик мы опустим в воду, – он всплывёт?

– Всплывёт.

– Тут – то же самое.

– Я, собственно, интересуюсь, способен ли вакуум поднять этот пластиковый шарик?

– А вакуум не поднимает. И водород, и гелий, – они тоже не поднимают. Просто воздух тяжелее и плотнее, он выдавливает. И чем больше разность в плотности, тем больше скорость и высота подъёма. Согласись, Сергей, хорошая мысль – «вакуумный дирижабль».

– Ещё бы. К тому же сразу вы придумали инженерное решение.

– А ты знаешь, как поднимают затонувшие корабли?

– Кранами, лебёдками?

– Делают проще. Берут обыкновенные пластиковые шари-

ки с воздухом и загоняют их в утонувший корабль. И он сам всплывает.

– Ах, вот как.

– А потом его цепляют и транспортируют куда угодно. Он хорошо держится на плаву и никаких кранов и лебёдок. Зацепил и буксиром в ближайший порт оттащил.

К нам приблизился Станислав Мазаевич Беридура подслушавший наш разговор и сделал важное сообщение:

– Космонавты в этом году собираются соединить лифтом орбитальную станцию «Мир» с Землёй.

– Ну, это сказки, – парировал я.

– Поживём-увидим, – прокомментировал услышанное Родион Борисович, – И ежели они это сумеют сделать, то мы вакуумный завод прямо в космосе разместим. А продукцию будем опускать на лифте.

– Возможен ли такой лифт с технической точки зрения? – усомнился я.

– Это было придумано уже давно, – ошарашил меня Боев, – Это ещё Артур Кларк придумал.

– Земля наша вертится. Что же, и корабль станет крутиться вместе с Землёй?

– Да. Это называется геостационарная орбита. Не только «Мир», много и других станций на этой орбите и крутятся вместе с Землёй.

– Как самолёты будут облетать этот лифт? И потом молнии станут бить, уходя по нему в Землю.

– Знаешь ли, ты хорошую мысль подал, – сиял Родион Борисович, – Мы с этого лифта станем ещё и электричество извлекать, которое, только для начала, осветит нам всю Сибирь. Понимаешь ли, если удастся построить эту штуку, то можно сразу пять глобальных задач решить. Тут проблема не в самом соединении. А в том, чтобы это соединение не оборвалось. Вся эта «фигня» будет такая тяжёлая, что будет рваться под собственным весом.

– А ведь это «вавилонская башня», – засмеялся я.

– Совершенно верно. В чистом виде «вавилонская башня», – согласился со мной Боев.

Беридура отошёл, оставив нас. Кто-то позвал его пить пиво. Станислав Мазаевич не мог игнорировать такое приглашение.

– Надо сделать даже не дирижабль вакуумный, – продолжал Боев, – Это пустяки. Следует сделать вакуумные шарики. Если такую штуку изготовить, то мы сможем делать всё, что угодно. Маленькие платформы, летающие в воздухе столы, кровати, летающие машины. Всё, что угодно.

– То есть сама возможность использования «приручённого» вакуума, больше и значительнее дирижабля?

– В принципе – да!

Тут, чёрт меня дёрнул, сказать Родиону Борисовичу о том, как Сорванцова схватила в магазине меня за руку и долго не отпускала.

Боев покраснел и принялся расхваливать супругу:

– А какая жёнушка у меня умница, такой знатный ужин мне вчера устроила! Как же она меня любит.

– Знамо, как. Помнишь, в постели со студентом застал? – припомнила Боеву Зинаида Захаровна Медякова.

– Это же было всего один раз, – стал оправдываться Родион Борисович. – И потом, жёнушка обещала мне, что подобное больше не повторится. Я ей поверил и простил.

– Не надо тебе было на красивую и молодую зариться. Сам-то, поди, не Аполлон Бельведерский. Впрочем, я тоже в юности ветреной была, – стала вслух вспоминать Зинаида Захаровна. – Ветрена и красива. Кудри спадали мне на спину и доходили до коленных изгибов. На высокую грудь мою можно было положить томик Большой Советской Энциклопедии, а на книгу поставить до краев наполненный стакан с водой. И представь, грудь всё это держала.

– Где же хотя бы остатки от всей этой роскоши? – ответил любезностью на любезность кормилец кошек.

– Старость, Родион. Этим всё сказано. Годы хоть какую красоту исказят.

– А какие твои годы? Ты же меня на десять лет младше, а выглядишь так, словно мы сверстники, – поддел Боев.

– Я ведь женщина, – не обидевшись, парировала Зинаида, – а бабий век короток.

Медякова фантазировала, художественно описывая свою ослепительную прелесть в молодости. За три десятилетия, что жил я в одном подъезде с ней, она ничуть не изменилась.

Ничего из того, о чём она так красочно словесно живописала, у неё в действительности не было.

И вот в этот момент из подъезда во двор вышла настоящая красавица с карликовым пуделем абрикосового цвета. У неё были длинные густые волосы пшеничного цвета, синие глаза, аккуратный, чуть вздёрнутый носик. Обаятельная улыбка. Чёлка. Она напоминала французскую актрису Катрин Денёв в молодые годы. Только была ярче последней. Девушка была одета в джинсы, заправленные в синие резиновые сапоги и голубую вельветовую куртку. Незнакомка со всеми вежливо поздоровалась и пошла по своим делам ровной уверенной походкой.

– Это Танька, – заметив мой интерес, пояснила Зинаида Захаровна, – Ерофея Владимировича внучка. Старик прихворнул, так она приехала по хозяйству ему помочь. Дочка Даши Ермаковой, покойницы. Трудная судьба у девчонки. Я Таньку имею в виду. Проституткой работала, теперь вот, вроде как образумилась, пошла на исправление. За дедом больным ухаживает, ждёт смерти его, чтобы квартиру захватить.

– И всё-то вы знаете, – попенял Медяковой Боев.

– Да, согласен с вами, – невольно вырвалось и у меня, – не хочется верить...

– Хороша девчонка, – не унималась Зинаида Захаровна. – И наш участковый, Игнатъев, на неё глаз положил, предложение руки и сердца сделал.

– Ну, и как? – осведомился я, слыша учащение ударов собственного сердца и понимая, что в случае положительного Таниного ответа участковому миокард мой может не выдержать и разорваться.

– Отвергла, – успокоила меня Медякова, – жидковат он для Таньки. Деньги большие обещал. Но я так думаю, если бы её интересовали деньги, то она бы занятия проституцией не бросила.

– Вы, как я погляжу, просто смакуете этот вымысел о её якобы грязном прошлом, – возмутился Родион Борисович.

Я поймал себя на мысли, что мне тоже неприятно слышать что-то дурное о Тане.

– Настоящая проститутка, такая, как Танька, – поучала нас Зинаида Захаровна, явно провоцируя Боева на скандал, – даёт каждому мужику по его силе и возможности. Одному отдаёт себя всю, потому что он созрел. Другому – только часть себя. А третьему показывает лишь блеск свой, так сказать, прелесть форм. Для того, чтобы испепеляющая страсть несовершенного, войдя в неокрепшую душу его, не обожгла бы её смертельно.

– Ты, Медякова, – плохой человек. Что можно ещё о тебе сказать? Лживая, подлая дрянь! – прокричал Родион Борисович срывающимся голосом и, бросив кормить подопечных, пошёл домой.

Тут вдруг в неурочный час появилась, моя жена, Галина Гордеева. Увидев мужа в окружении кошек, она от удивле-

ния подняла брови, но ничего не сказала. Мы молча проследовали в подъезд, практически следом за Боевым.

2

Поздно вечером, когда я, приняв душ, собрался ложиться спать, позвонил Родион Борисович и взволнованным голосом сообщил:

– Я придумал ещё три чудесные вещи. Во-первых, «вакуумный дирижабль», – он же может практически до космических высот подняться. Так что можно непосредственно с него выводить в космос космические корабли. А главное, после того, как вывели, дирижабль можно бросить, – он ничего не стоит. Вторая мысль. Ты же знаешь воздушные шары, которые взлетают на тёплом воздухе? Знаешь, почему взлетают? Потому что их надувают тёплым воздухом, а тёплый воздух, – он имеет меньшую массу, но больший объём. Потому что он тёплый и движется. Масса может, и та же самая, но зато он занимает больший объём. Поэтому удельный вес тёплого воздуха, при том же весе, – меньше. Когда горячий воздух остывает, то шар сдувается. В этом его главная проблема, что сдувается. Если бы шар надулся тёплым воздухом и потом не сдулся, а остался бы в прежнем объёме, то количество воздуха в нём было бы то же самое. Ну, например, закрыли бы отверстие чем-нибудь. Объём бы остался прежним, и воздушный шар не стал бы падать. А представь себе,

что мы надуваем шар, а он обратно не сдувается, застывает. То есть, он не сдуваемый. Сделан из какой-нибудь смолы. Таким образом, мы его надули, полетели, а отверстие, через которое надували, – заткнули. В результате, даже если воздух в шаре остынет, – удельный объём его останется прежним, и он никуда не упадёт. Я тебе этот эффект могу продемонстрировать на медицинских банках. Тех, что простуженным людям на спину ставят. Представляешь их себе?

– Да-да, представляю, – устало подтвердил я.

– Как банки ставят? Берут, внутрь банки суют горящий фитиль, там образуется горячий воздух, затем ставят банку на спину. Воздух в ней остывает, начинает занимать меньший объём и образуется вакуум. А почему вакуум? Да потому что объём банки не уменьшился. А теперь представь, что происходит то же самое, но в чуть большем объёме. В результате мы берём и делаем шарик, из которого нам даже не нужно выкачивать весь воздух. Нам надо горячим воздухом его раздуть, – и всё! Знаешь, что это будет напоминать? Шарик для пинг-понга. Пока скорлупа горячая, – она тянется до нужного предела. А потом запаивается, обрезается, остывает, – а внутри возникает вакуум. Не полный вакуум, но зато мы можем добиться того, что шары будут летать, как китайские фонарики. Но только в отличие от фонариков, шарики наши не приземлятся. Потому, что хоть воздух в них и остынет, но удельная-то плотность останется прежней.

– Как интересно, – позёвывая, сказал я.

– Шарик так и останется висеть в небе. Ну, примерно так же, как какой-нибудь поплавок в воде. Помнишь продавца воздушных шариков в кино? Он набрал сотню шариков и его унесло.

– Имеете в виду фильм «Три толстяка»?

– Такие же шарики унесли Олимпийского мишку в восьмидесятом году. Потом они все полопались и мишка где-то приземлился. Так вот, если поставить на конвейер изготовление таких вакуумных шариков, – то всё остальное «фигня». То есть можно сделать любые конструкции, любые дирижабли, платформы, что угодно. И любителям воздушных путешествий не придётся мучиться с воздушными шарами. Мы можем просто торговать этими шариками. Нет, не шариками. Мы будем торговать приручённым вакуумом.

– Был «Продавец воздуха», а мы будем «Продавцами вакуума»?

– Ага.

– Вы говорили, ракету можно будет поднять в стратосферу.

– Суть дела заключается вот в чём. Основные проблемы у ракеты возникают не на околоземной орбите, а именно при старте. Дело в том, что всю эту многотонную «дуру» создают только для того, чтобы вывести на орбиту крохотный спутник размером с кулачок. Огромные, тяжёлые, многотонные ракеты, – и всё для того, чтобы забросить на орбиту маленькую кабинку с парочкой пилотов. А ракеты ещё и падают.

А представь, что мы на околоземную орбиту вывозим плато, с уже лежащей на ней ракетой? И расход топлива сократим, и всё это безопасно. Кстати она не разобьётся никогда.

– И не надо столько ступеней, если мы поднимем её до стратосферы.

– Совершенно верно. То есть, сколько веса сразу можно отбросить. А теперь посмотри, сколько весит эта вакуумная платформа? Смешно! Она ничего не весит.

– Ничего?

– Только вес материала, из которого она сделана. Но в связи с тем, что она огромная, – то её удельный вес будет крайне мал.

– Так что ракету она понесёт... Как это?

– Как пёрышко, – закончил за меня фразу Боев, – Это примерно так же, как мегатонные корабли возят и танки, и другие грузы. А почему? Потому что и с танками и с грузами в десятки тысяч тонн их удельный вес всё равно оказывается меньше веса вытесненной морской воды.

– А третье изобретение?

– Третье изобретение – материал. Он должен будет выдерживать хотя бы одну атмосферу.

– А почему не две, не три?

– Объясняю. Потому, что у нас давление воздуха, там, где мы находимся, равняется ровно одна атмосфера.

– На Земле давление одна атмосфера?

– Да, – радостно подтвердил Боев, – Одна атмосфера,

именно так. А, например, коли ты будешь погружаться в воду, то там давление измеряется тоже в атмосферах.

– Увеличивается?

– Понятное дело, увеличивается.

– И при подъёме в воздух увеличивается?

– Нет, при подъёме оно уменьшается. И плотность воздуха уменьшается. Поэтому наш шарик будет подниматься до тех пор, пока его внутренняя плотность не сравняется с плотностью воздуха окружающей среды. То, бишь, он останется на том уровне, на той высоте, где плотность воздуха будет равна плотности нашего шарика.

– Где это, примерно, будет?

– Как сделаем. Чем больше шар, тем меньше его плотность, тем выше он поднимется.

– Это всё тоже рассчитывается технически?

– Конечно. По формулам. Легко.

– И что ж, может прямо доставить ракету к орбите? Или всё же придётся космонавтам лететь?

– Ну, по крайней мере... Помнишь, запускали в стратосферу шары на пятнадцать-двадцать километров? На такую высоту ракету точно поднимем.

– Оттуда проще, чем с Земли стартовать.

– Да, ведь ты пойми, у нас не будет никаких затрат на газы дорогие, на безопасность. Проект сам по себе очень дешёвый. Не требуется взрывоопасный водород, дорогущий гелий. Скажи, всё-таки здоровское решение? Я лично от себя

в восторге. И главное, очень изящное. Потому что, ну что может быть легче водорода? Смешно! А ведь решение очевидное.

– Да. Очевидное.

– А вот самые очевидные вещи, они никому в голову и не приходят. Поэтому и говорят: «Всё гениальное – примитивно и просто». А главное, не нужно разрешения мирового сообщества. Просто берёшь горелку и делаешь вакуумные шарики.

Глава вторая

Знакомство с Таньшиной

На следующий день, в субботу, по двору неспешно прогуливалась Татьяна, выгуливая своего пуделя по кличке Дастин. Рядом с ней вышагивал Марк Игоревич Антонов, представившийся ей как старший по подъезду.

– Так, говорите, во втором подъезде проживаете? – заискивающе переспрашивал Антонов. – Внучка Ерофея Владимировича? Вы даже не представляете, в какой гадюшник попали. Это, доложу вам, не подъезд, а нечто среднее между цирком шапито и сумасшедшим домом. Докладываю обстоятельно и по существу. Начнём с первого этажа. Пятнадцатая квартира. Ну, дедушку вашего из деликатности пропустим. Шестнадцатая. Проживает «вечная мать» Элеонора Васильевна Вискуль. Она же Королёва, Гаврикова, Брянцева, Сердюк. Было пятеро мужей, было пятеро детей. Двое старших детей уже в могиле лежат, а она всё рождает, никак не остановится. Семнадцатая квартира. Беридура Станислав Мазаевич, борец с чертями. В прошлом году сел на «белого коня», бегал по двору нагишом, гонялся за бесами. В восемнадцатой – Медякова, медсестра из детской поликлиники, баба зловредная, самогонщица. Всех опоила своим зельем. Сам-то я, как пять лет назад бросил пить, так с тех пор в рот капли не беру. Даже вспоминать противно. В девятна-

дцатой – я, собственной персоной, проживаю, врач-терапевт Марк Антонов. Не Марк Антоний, а именно так, как сказал.

Татьяна заметила мою дочь Полину, вышедшую из подъезда, и не решавшуюся из-за Антонова подойти и жестом подзвала девочку к себе.

– Мы с Полечкой, оказывается, в один бассейн ходим. Сдружались, – пояснила девушка старшему по подъезду.

– Ах, так. Наверное, я вам надоел? – наконец сообразил назойливый ухажёр. – Пойду, мне за квартиру ещё надо заплатить.

Татьяна не стала его задерживать.

А Полину больше интересовала собака, которая хоть и была с характером, но позволяла детям, любящим животных, гладить себя.

Проснувшись в час пополудни, я вышел на кухню. Жена стояла у окна и наблюдала за кем-то во дворе.

– Что там увидела? – с притворным интересом осведомился я перед тем, как идти умываться.

– А ты сам посмотри, – предложила супруга.

Я глянул в окно и увидел ту самую красавицу Татьяну, из-за которой вчера чуть было инфаркт не получил. Она прогуливалась вместе с Антоновым. Мне не понравилось, что девушка смеется в ответ на слова, сказанные Марком Игоревичем. Заметив, что дочка подошла к ним, я с негодованием в голосе супруге заметил:

– Нельзя позволять Полине гулять с Ермаковой. О ней бог

знает, что говорят.

– Во-первых, не с Ермаковой, а с Танышиной. У неё такая фамилия. А во-вторых, у Татьяны сложная судьба, надо быть к ней снисходительным, – ответила Галина фальшивым голосом, оправдывая женщину, которую на дух не переносила.

Дослушав до конца наставительный ответ жены, я получил одну лишь пользу, – узнал настоящую фамилию Татьяны, но на душе стало ещё противнее.

Я, конечно, и сам был неискренен, требуя запрета на общение дочери с Танышиной, но терпеть не мог, когда «включая в себе голос истины», лгала жена. Мне хорошо была известна нетерпимость Галины ко всем людям, «замаравшим» себя, ведущим, с её точки зрения, «неправильный» образ жизни.

Сама Гордеева вышла замуж девственницей и считала, что это обстоятельство возвышало её над «падшими женщинами» и давало ей индульгенцию на всю оставшуюся жизнь. Во время застолий она с гордостью об этом рассказывала, ставя себя в пример ветреным и, как она выражалась, «недальновидным» подругам. Мне ненавистно было в жене это высокомерие.

Сняв с веревки сушившееся на кухне полотенце, я направился в ванную принимать душ.

По субботам Полина посещала бассейн. Жена в этот субботний день с ней на занятия по плаванию не поехала, попросила меня её подменить.

В бассейне был открытый урок, – родителям раздали бахилы и пустили посмотреть, как обучают их детей разным стилям плавания.

На мгновение отвлекшись от Полины, демонстрировавшей мне стиль «баттерфляй», я заметил на противоположной стороне бассейна Таньшину в закрытом синем купальнике. Почувствовав пристальный взгляд, Таня на меня посмотрела. И, о чудо! Она улыбнулась широко и открыто, как хорошему знакомому, и не просто ответила кивком, а приветливо и можно сказать, игриво, помахала рукой.

Конечно, это был жест вежливости, продиктованный исключительно её темпераментом, но мне показалось, что в этом её приветствии было нечто большее.

Домой мы с дочкой возвращались пешим ходом, в компании с Таньшиной. Шагали не спеша. Татьяна была словоохотлива, но беседу начал я с самого, как теперь понимаю, непристойного вопроса о её родителях.

– Татьяна, скажите, какое у вас отношение к родителям? – фальшиво-назидательным голосом осведомился я.

– Ну, во-первых, они меня очень любят, – стала отвечать Таньшина предельно серьёзно. – Я имею в виду отца и его вторую жену. И это останется со мной навсегда. А во-вторых, это грустная тема. Давайте, я вам лучше расскажу о том, как я училась на парикмахера.

– Давай, – согласилась Полина.

– Мой дедуля, Тихон Макарович Таньшин, папин отец, –

он по профессии железнодорожник-МИИТовец. МИИТ, Полечка, это Московский Институт инженеров транспорта. Так вот, дед всю жизнь проработал с железом, изучал в лаборатории прочность металла, делал эксперименты. Есть у него труды. Всё время, сколько помню его, носился с металлическими образцами. Я тоже, как и вся моя родня по отцовской линии, дядьки, тётки, поступила в МИИТ.

– И тебя туда тянули? – уточнил я, не от невнимательности, а больше из желания перейти с Таней на «ты».

– Я же и говорю, – обрадовалась Таньшина, правильно понимая мотив моего вопроса и радушно улыбаясь. – После школы я думала, куда поступать? Надо было куда-то поступать, как все это делают. Но куда? В МИИТ, конечно. Я туда поступила, отучилась полтора семестра, то есть меньше года...

– А какие экзамены ты сдавала? – перебил я лишь для того, чтобы ещё раз обратиться к Тане на «ты».

– Математику, физику, по-моему, два сочинения, – принимая игру и широко улыбаясь, ответила мне Таньшина.

– Устная математика? – поинтересовалась Полина, напоминая нам, что мы не одни.

– Нет, математика письменная. Причём я же поступала в институт после математической школы. Меня отец туда отдал.

– С какого класса? – задала вопрос моя дочка, на этот раз больше из баловства.

– Значит... Начать с того, что первые шесть лет я училась во французской спецшколе.

– А где родилась? – не успокаивалась Полина.

– Родилась и живу в Москве, в доме у станции метро «Алексеевская».

– А где гуляла?

– У дома и гуляла. А как подросла, – на ВДНХ. Это чуть дальше, но там интересней. Мой папа был преподавателем в математической школе и имел много частных учеников. И одна семья, а точнее, его ученица, Ольга Нестерова, впоследствии ставшая его женой, а мне заменившая матушку... Она, эта Ольга, училась во французской спецшколе имени Ромэна Роллана в Банном переулке. И они меня туда определили. Там я проучилась до шестого класса. Математику завалила по полной программе, и меня вышибли из этой школы. Там простая была математика, но я и её умудрилась сдать на «два». И тогда папа взял меня к себе в математическую школу. Знаменитая четыреста сорок четвертая школа в Измайлово. Что мне очень помогло при сдаче вступительных экзаменов в МИИТе. Потому что я блестяще, извините за хвастовство, там сдала математику. И не только сдала, но ещё и помогла половине аудитории, потому что подготовка в математической школе была хорошая. То, что спрашивали на экзамене в институте после первой сессии, мы проходили в девятом классе. То есть у меня был более высокий уровень. Училась я безобразно, надо сказать, так что папе

пришлось подмухлевать и с аттестатом. Хотя всё напрасно. Учась в этом МИИТе, я вообще всё задвинула. Представляет, умудрилась после математической школы ту же программу на первой же сессии сдать на «двойку». То есть, вообще не сдать, завалить. После этого ещё немножко походила в институт и почувствовала – всё! Это не моё. Всё это черчение, начерталка... Почерк у меня был безобразный, рука слабая. Не рисунки выходили, а чёрт знает что. А училась я на энергомеханическом факультете. «Теория транспортного машиностроения и ремонт подвижного состава».

– Это такая специальность должна была у тебя быть? – подал я голос.

– Да. ТТМ и РПС – теория транспортного машиностроения и ремонт подвижного состава. Я до сих пор не понимаю, о чём сейчас говорю. Потому что не знаю, где это у электровоза находится, то, что я сейчас вам озвучила. В общем, в институт я ходить перестала, и тогда мой дедушка, Тихон Макарович, произнес сакраментальную фразу: «Чем с грязными железками всю жизнь валандаться, давай-ка, Танюша, лучше возись с грязными волосами». И так удачно получилось, что нашим соседом был очень пожилой журналист Николай Львович Низинский, который в шестидесятые годы освещал парикмахерские конкурсы в прессе. Писал заметки, и у него остались связи в этом парикмахерском деле. Он лично знал всех старых мастеров, именно он и подал деду идею, чтобы я поступала на курсы и стала парикмахером. Николай

Львович даже помог мне. Позвонил, нажал нужные кнопки, и таким образом я оказалась на семимесячных парикмахерских курсах. Это Измайлово, улица Никитская, дом четыре «а». Достаточно знаменитые курсы были. Училась я на мужского мастера. Потом я их ещё раз заканчивала, когда захотела стать женским мастером.

– Курсы были платные? – спросил я.

– Нет. Нам ещё и стипендию платили, сорок рублей. Как мы тренировались? Было весело. Мы выходили на улицу искать «жертву». К нам приходили пенсионеры, дети. Все знали, что в этом здании школы можно бесплатно подстричься. Конечно, к нам приходили не очень имущие. Мы стригли их безвозмездно, иногда выстригая не то, что нужно. Я имею в виду лишнее. Помню первого своего клиента. Я посадила, начала стричь и только потом вспомнила, что не накрыла его накидкой и стригла прямо на одежду. Делала это всё, как само собой разумеющееся. А когда я делала ему окантовку над ухом... Это когда открываешь ушко и окантовываешь по кругу волосы. Я ему сделала полукруг где-то на сантиметр выше уха. То есть получилась такая выбритая окантовка, чудовищная. Ну, в общем, такие были мои университеты.

– Клиент возмущался после этого?

– Нет-нет. Они были абсолютно добродушны, так сказать, понимающие. Вообще наши мужчины, именно этот контингент, не очень имущий, им совершенно было наплевать на стрижку как таковую. Стрижка в Советском Союзе –

это что-то омерзительное. Женская, ещё более-менее. Потому что всё-таки женщина и красота, женщина и уход за собой – это вещи сопряжённые. Но мужчины, которые должны были быть чуть менее страшными, чем обезьяна и такими же вонючими, в лучшем случае политыми дешёвыми одеколорами, такими, как «Шипр», «В полёт» и «Тройной»...

– А инструмент?

– Были, конечно, советские ножницы за два рубля пятьдесят копеек с пластиковыми зелёными кольцами, но они стригли всё, что угодно, только не волосы. Заламывали, закусывали прядь, но не перестригали, не отстригали. Хороший инструмент надо было покупать, и он очень дорого стоил. Знаменитая фирма «Золинген» выпускала блестящие ножницы, но они тогда стоили сто двадцать рублей, притом, что зарплата парикмахера была восемьдесят. Так ещё достать их нужно было, эти ножницы.

– Придержаться, – подсказал я.

– Да-да-да, – засияла Таня. – Впоследствии став уже женским мастером, когда только начала зарабатывать себе клиентуру, у меня появились женщины, очень редко, но выезжавшие за рубеж. Я им записывала, что бы мне хотелось, и они привозили. Например, фирма «Золинген», марка ножниц «Тондео». Расчёску обрисовывала на бумаге, какую привезти. Всё оттуда.

– А что, кроме ножниц и расчёски?

– Фены, конечно. Фен – это предмет особого шика. По-

тому что были гэдээровские фены чудовищные. Такие, как трубы, их неудобно было держать в руке. А шиком считался фен «пистолетом». Ручка пистолетиком. Особенно, если в нём много ватт, мощный. А ещё когда есть холодный наддув. Клавиша холодного наддува, моментального, – это всё. Сразу все только у тебя хотят стричься. Ну, как же, такой инструмент у неё! Это очень тогда котировалось. Но это всё началось, когда я перешла в женский зал. А до этого я три года отработала мужским мастером.

– После курсов ты где работала? – задала Полина вопрос по существу.

– На практику пошла, на Остоженку.

– Практика обязательно? – дополнил вопрос я.

– Обязательно. Это входило в семь месяцев. То есть пять с половиной месяцев я была на курсах на Никитской, где ловила для практики людей на улице. За это время я, наверное, человек десять подстригла. А потом, после пяти с половиной месяцев, посылали на официальную практику в парикмахерскую города. Сначала на подхвате, ну и постепенно тебе давали кого-то подстричь. Ребёнка, который не очень будет возмущаться, если что-то лишнее отхватишь, или пенсионера, пришедшего побриться. Тогда же в парикмахерских была такая услуга, – бритьё. Не было ещё борьбы со СПИ-Дом. Брили. Ломали половинку лезвия «Балтика», вставляли в специальный станочек, который напоминал опасную бритву и – брили. Очень любили бриться представители кав-

казских республик. С рынков приходили бриться. У них щетина мощная была, нужно было долго распаривать. В общем, набивала руку.

– Как распаривать? – искры ревности заблестели в моих глазах, – полотенцем?

– Да-да, берёшь салфетку, окунаешь её в кипяток, валандаешь там, быстро отжимаешь и быстро накладываешь на лицо. И так несколько раз, чтобы распарить кожу.

– А какой пеной пользовались для бритья? – спросила Полина.

– Если не ошибаюсь, был мыльный порошок или сухое мыло. Я сейчас не очень хорошо помню. Горячей водой заливаешь, взбиваешь. Обязательно помазок. Нужно было купить помазок. Должен быть свой. Взбиваешь пену, намазываешь щеку, одну сторону. Обушком бритвы, то есть с обратной, не острой стороны, от виска немножко снимаешь пену, чтобы не залезть на линию виска. Потому что висок уже к стрижке относится. И вниз аккуратненько, такими подкашивающими движениями делаешь. Это своя техника. Нас учили на курсах брить шарики. Серьёзно. Мы покупали воздушные шарики, надували их, потому что нас учили брить не только лицо, но и голову. Мы залепляли бритву пластырем, шарик мазали пеной и брили. Если кто-то наблюдал за всем этим со стороны, было любопытное зрелище.

Незаметно за разговорами мы дошли до своего дома. Этот факт разочаровал, похоже, всех. Но обязанности суетной

жизни заставляли прощаться.

– Было очень интересно, – поблагодарил я Татьяну и поинтересовался. – Как здоровье Ерофея Владимировича? Передайте ему от нас привет.

– Пока слаб. Обязательно передам, – отпирая ключом дверь, выразила признательность Таньшина.

– Передайте наказ выздоравливать, – прибавил я, желая ещё хоть разок встретиться взглядом с красивой девушкой.

– Обязательно, – Татьяна сделала полупоклон и скрылась за дверью, из-за которой раздался запоздалый лай и повизгивание собачонки.

– Пошли, пошли, – стал толкать я дочку в спину, помогая ей подниматься вверх по лестнице.

Полечке, как и мне, домой идти не хотелось.

Не успели мы переступить порог своей квартиры, как жена спросила:

– Хлеба купили? Нет? Сходи, купи.

Дождавшись момента, когда Полечка, сняв верхнюю одежду, ушла в комнату, я, стараясь быть равнодушным, поинтересовался у Галины:

– А откуда ты взяла, что внучка Ерофея Владимировича была проституткой?

– Медякова сказала, – спокойно и уверенно ответила жена.

Спускаясь по лестнице, на площадке первого этажа я снова столкнулся с Татьяной.

– В магазин хочу сходить, – смеясь, отрапортовала Таньшина.

– Моя жизнь складывается так, что я постоянно вас встречаю, – стал неожиданно для себя распускать я «павлиний хвост». – То вы по дворику гуляете, любезничая с Антоновым, то я вас вижу в бассейне. Теперь вот в подъезде.

– Вам это неприятно? – насторожилась девушка.

– Как вам сказать? Конечно, приятно, но вместе с тем и волнительно. Отвык я за долгие годы супружеской жизни от подобного рода волнений.

– Вы сейчас разговариваете со мной так же, как Антонов, которому кто-то рассказал сплетню, что я была проституткой, – не то, чтобы оскорбилась, но возмутилась Татьяна.

Я почувствовал, как от прилива крови задеревенели мои щёки, а уши стали горячими.

– Медякова, медичка со второго этажа, эту сплетню распространяет, – выдал я Зинаиду Захаровну.

– И вы с легкостью в это поверили?

– Признаюсь, поверил, простите меня. Я низкий плохой человек и с радостью готов верить всякой мерзости.

Татьяна пристально посмотрела на меня, но ничего не ответила. Было в этом взгляде много для меня загадочного.

– Знаете, – забормотал я, пытаясь оправдаться, – сейчас поймал себя на интересной мысли...

– Какой?

– Я подумал, что даже если бы вы и работали проститут-

кой, то это бы меня от вас не отвратило.

– Знаю. Порочные женщины привлекательны для мужчин, – обречённо промолвила Таньшина, выходя из подъезда.

– Не порочные, а красивые и роковые, – поправил я Татьяну, шагая за ней следом.

Выйдя во двор, мы пошли не только в одну сторону, но и рядом.

– А вы, Сергей Сидорович, конечно же, какой-нибудь институт закончили? – первой прервала молчание девушка.

– Что значит «какой-нибудь»? Университет, – радостно похвастался я, – филологический факультет.

– Вы с самого рождения в этом доме живёте? – перескочила моя спутница на другую тему.

– Нет. Родился и первые четыре года я прожил на улице Большая Дорогомиловская, дом один. Угловой дом, считался генеральским. Когда-нибудь я вам его покажу. Там был прописан Будённый, ещё какие-то генералы, дядька мой родной там жил. Он в Великую Отечественную был комиссаром механизированного корпуса.

– Где-где вы жили? – не поверила Таня.

– Честное слово. Улица Большая Дорогомиловская, дом один, квартира один. В двухкомнатной квартире. В одной двадцативосьмиметровой комнате жили я, мой брат Андрей, папа, мама и бабушка, папина мама. А во второй комнате жила тётя, сестра отца, родившаяся без руки. Отец работал

на первом МПЗ, Московском приборостроительном заводе. А мама – воспитателем в детском саду на Смоленской. Бабушка трудилась уборщицей и прачкой. Тётя работала в ЖЭ-Ке, носила деловые бумаги из кабинета в кабинет.

– А в каком году вы Университет закончили?

– В восемьдесят пятом, и меня распределили в Плехановский.

– Да? Как интересно! Я там тоже какое-то время работала, но вас не видела, я бы запомнила.

– Я же не сказал, что работал там, меня туда распределили. Меня и ещё двух моих сокурсников. Завкафедрой там был мужик, я даже могу вспомнить его фамилию, у меня где-то книжка его есть. Распределили, и я уехал отдыхать. Мы ждали сентября, даже не сентября, а конца августа. В конце августа я вернулся и пришёл на кафедру. Дело в том, что восемьдесят пятый год – это начало перестройки, изменения всякие начались. Дан был приказ по вузам. Сейчас уже не помню, по всем вузам или только по гуманитарным кафедрам.

– Какой приказ?

– Сокращать преподавателей, чтобы больше платить остальным. Завкафедрой нам сказал так: «Я не могу вас взять на работу, у меня старые, заслуженные педагоги». Ему поступил приказ от ректора или от Минобра сократить три единицы. И он решил: «Что я буду своих увольнять, когда могу просто молодых не взять и как-то это оформить до-

кументально». Сказал нам: «Взять я вас не могу. Извините. Прощайте». Мы пришли в нашу учебную часть в МГУ. Обрисовали ситуацию. Нам говорят: «Наверное, он прав. Ищите себе работу сами». Такого раньше никогда не было. Что значит «ищите»? Университет должен был место предоставить. Делать нечего, стали мы судорожно ездить по кафедрам, искать себе работу, но ничего не нашли. Через месяц, в конце сентября, пришли снова на кафедру. Говорим: «Искали, но безрезультатно». Нам отвечают: «Даём вам ещё две недели. Вы не можете быть безработными. Если ничего не найдёте, мы вас определим учителями в московские школы. У них там есть вакансии, готовьтесь к этому».

– Учителями чего?

– Русского языка и литературы. У меня в дипломе написано: «Преподаватель русского языка и литературы со знанием иностранного языка». То есть я могу и русистом быть и преподавателем английского или испанского языка. Ну, а в скобках спецификация: «Русский язык, как иностранный». Но это уже вторично. Вот тут я задумался: «Не для того я заканчивал отделение РКИ, чтобы преподавать оболтусам в средней школе грамматику. Буду искать». Дай вспомнить, куда я ходил. Ходил в Пищевой, там завкафедрой тётка пообещала мне: «Наверное, будет место, подождите». Но мне сама тётка не понравилась, да и мотаться на Сокол что-то не очень хотелось.

– Глаз на вас положила?

– Может быть, я уже не помню.

– Не в вашем вкусе была? – пытала меня Татьяна.

– Ну да. Старше меня лет на двадцать, нет, на тридцать.

Ей полтинник был, а мне двадцать лет. Куда-то ещё я сунулся, не помню. Попробовал в ГИТИС. Кафедра находилась не в основном здании, а в здании бывшего Моссельпрома. Там завкафедрой – мужик, сказал: «Я бы вас взял, что-то в вас есть».

– А что за кафедра?

– «Русский язык для иностранцев». Там же тоже иностранцы учатся. Говорит: «Взял бы, но у нас сейчас очень мало иностранных студентов, а преподавателей семь человек, нам с лихвой хватает. Но в принципе, можно было бы местечко выбить. Давайте подумаем. Я попробую. Зайдите недельки через две». Говорю: «Через две недели меня уже в школу отдадут». – «Ну, потяните, посмотрим, я попробую». Он ещё предупредил: «У нас поездок за границу нет». Меня это сильно кольнуло. Был молодой, знал языки, хотел за границу. Мечтал уехать в Африку, в Анголу, ещё лучше на Кубу, с испанским-то языком. В общем, все кафедры я объездил, крупные и мелкие. Надежд никаких, работы нет. И вот, в очередной раз поехал я в МГУ в учебную часть. Время от времени я туда позванивал, и мне обещали: «Возможно, мы вам что-то предложим». На самом деле ничего они предлагать не собирались. Это была тогда такая форма вежливого отказа. Но, как говорят в таких случаях, судь-

ба меня туда погнала. Поехал, чтобы дома не торчать, в дороге как-то время провести. Иду к Университету, а мне на встречу Елена Андреевна Брызгунова. Это крупнейший специалист в нашей области. Она написала книгу «Звуки и интонации русской речи». В книге вывела все интонационные конструкции. Вот мы сейчас с тобой разговариваем и не задумываемся о том, как говорим. А оказывается, существует семь типов интонационных конструкций. Брызгунова читала нам лекции. Практические занятия не она вела, но я сдавал ей экзамен. Елена Андреевна меня запомнила и, на удивление, отметила. Я ей понравился. Прилежный ученик, хорошо отвечал. И встретил я её тогда не в Университете, а как раз посередине дороги от метро к Университету. Поздоровались. Она поинтересовалась: «Как у вас дела? Закончили?». – «Да, закончил». – «Как с работой?». – «А с работой у меня плохо. Ездил вчера в Энергетический, там мне сказали позвонить через неделю. Но я так понял, что ловить мне там нечего. Потому что, во-первых, молодой. А во-вторых, и это главное, им нужны преподаватели с рекомендацией. А какая у меня рекомендация? Рекомендации у меня нет». Брызгунова выслушала меня и спрашивает: «Серёжа, кто там завкафедрой?». Я говорю: «Людмила Ивановна Наumenко». – «Передайте от меня привет. Скажите, что у вас есть устная рекомендация от меня. Если она захочет, то может мне позвонить». Я приехал в МЭИ, говорю Людмиле Ивановне: «Здравствуйте». Она мне: «Здравствуйте. К сожа-

лению, ничем вас порадовать не могу». Говорю: «Елена Андреевна Брызгунова, вчера я её встретил, передаёт вам привет. И она просила сказать вам, что может дать мне рекомендацию». – «Елена Андреевна? Хорошо. Это меняет дело. Ну, давайте тогда завтра-послезавтра приезжайте». Так, за неделю до того, как судьба моя должна была крепко-накрепко связаться со школой, меня взяли на кафедру в энергетический институт, где я верой и правдой проработал семь лет.

Так за разговорами мы не заметили, как сходили в магазин, купили продукты, сделали несколько кругов по двору и, распрощавшись, разошлись по домам.

– Где ты пропал? – был первый вопрос, заданный мне женой.

– Как где? За хлебом ходил, – искренно ответил я.

Жена с недоверием на меня посмотрела и задала второй вопрос:

– А чего счастливый такой?

– Так погулял, проветрился, – с той же искренней интонацией в голосе сообщил я, опасаясь, что жена задаст третий вопрос: «С кем погулял?». Но, как выяснилось впоследствии, жена знала, с кем, поэтому вопросов больше не задавала.

Глава третья

Пощёчина. Фокусы

В воскресный день я вышел на прогулку. Во дворе заметил Татьяну, гуляющую с пуделем. Весь мир тотчас преобразился, и у бесцветной, пресной жизни моей сразу же появился и цвет и вкус.

Девушка заметила, что я на неё смотрю, и ей, как мне показалось, это понравилось. Татьяна широко улыбнулась и приветливо помахала мне рукой как хорошему, давнему знакомому.

Я подошёл к Таньшиной, поздоровался и мы, не стовариваясь, пошли на бульвар, выгуливать пуделька.

– Приятно подышать свежим воздухом, – заговорил я. – Моя жена очень любит чеснок, но её работа с людьми не позволяет употреблять его в течение рабочей недели. Зато в пятницу и субботу она ест его, можно сказать, тоннами. Не спасает даже то, что спим раздельно.

– Вы не дружно живёте с женой? – преодолевая смущение, поинтересовалась Татьяна.

– Да, не дружно. Супруга давно живёт собственной жизнью, мало интересуясь тем, кто находится рядом с ней. С дочкой у неё свои отношения. Вчера пришёл домой, а они кричат друг на дружку, и это, как ни странно, приносило им радость. Для меня происходящее – скандал, ужас, сумасшед-

ший дом, а для них – что-то вроде живого общения, творчества, обмена энергиями. Я же давно выпал из сферы их интересов, являюсь чем-то вроде домашнего животного, которого к тому же, в отличие от вашего Дастина, не надо выгуливать. Я пытался на это смотреть с пониманием, но всё нутро восстаёт против должности собачонки, отведенной мне в моём же собственном доме. Я, без сомнения, сам во всём виноват, надо было принимать более действенное участие в воспитании дочери. Но получилось так, как получилось. А сейчас уже поздно воспитывать. Полечка растёт самостоятельной, своенравной, не переносит, когда с ней нянчатся. Собственно, жена и ругается с дочкой из-за того, что Полина, по её мнению, чересчур рано стала предъявлять права на свою свободу. Я же, насколько это у меня получается, стараюсь не мешать ни дочке, ни жене. Что-то я всё о себе, да о себе, совсем на вас тоску нагнал. Расскажите лучше о парикмахерском деле. Вы так смешно вчера рассказывали, как надувной шарик брили.

– Да, – с ходу включилась Таня, – даже перманент, представьте, нас учили в мужском зале делать.

– Что такое перманент?

– Перманент – это такая завивка электрическая. Есть химическая завивка, когда используются коклюшки деревянные тонкие. Ты накручиваешь прядку на эту коклюшку, мажешь химическим составом, и она принимает форму этой коклюшки. Потом разворачиваешь, и на голове образуется

«мелкий бес». То же самое можно сделать при помощи электричества и другого состава. Я, правда, уже не помню, на какой состав это делалось. Называлось «перманент», или «шестимесячная». Одним из элементов сдачи экзамена в мужском зале был такой: укладка «холодные волны на льняное семя». То есть варили льняное семя, получалась омерзительная желеобразная полужидкая, извиняюсь, как сопли, масса, и этой «прелестью» намазывали голову. А затем расчёской и пальцами выкладывали такие, как в тридцатые годы, волны.

– На практику пошла на Остоженку? – вспомнил я.

– На Остоженку, – весело подтвердила Таня. – Это была мужская парикмахерская без женского зала.

– А ты у них так и называлась – практикантка?

– Да, практикантка. Я же там у них на практике была.

– А сколько было мастеров?

– По-моему, всего четыре кресла было.

– А график работы какой?

– Посменно. Если, например, ты работаешь сегодня утром с восьми утра до пятнадцати ноль-ноль, то завтра ты с пятнадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль. По семь часов работали. Подсовывали мне там всё больше детей и стариков. А почему? Это самые дешёвые виды работы. И мастера, которые, естественно, работали себе на карман, – они этими работами брезговали. Потому что это всего сорок копеек. То есть сорок копеек, если это «скобка» или «полька»

или так называемая «канадка». Если это «бокс» или «полубокс», это и того меньше, пятнадцать копеек. Они с охотой отдавали эти дешёвые виды работ, потому что самое вкусное в мужской парикмахерской жизни тогда было – модельная стрижка. Модельная стрижка – это стрижка на пальцах. Она стоила рубль тридцать. А так как модельная стрижка одна никогда не делалась...

– «Стрижка на пальцах» – это термин такой?

– Да-да-да. Пряди зажимались между двумя пальцами, натягивалась прядь и срезалось над пальцами. И под пальцами оставалось то, что, собственно, ты и отмерила. И так прорабатывалась вся голова. Плюс какие-то углы обязательно задавались. Это называется «градуировка». Поэтому «модельная». То есть ты делаешь некую модель из волос, как скульптор делает своё произведение из глины. А такие простые стрижки, как «бокс», «полубокс», «полька», они делаются на расчёске. То есть ты расчёской, не пальцами, подцепляешь прядь и отрезаешь либо ножницами, либо машинкой. И так вот шаг за шагом.

– А грязную работу – практикантке?

– Ну, она не грязная, она дешёвая. Если модельная стрижка только одна стоила рубль тридцать, без мытья головы, которое стоило тридцать пять копеек, плюс ты помыл голову, её нужно высушить. Где высушить, там и укладка. Причём клиент же не знал всё это. Ты ему говоришь: «Давайте подсушим голову». Ну, он же не пойдёт на улицу с мокрой голо-

вой. «Ну, конечно, давайте». А ты вместо сушки ему делаешь укладку. Это ещё, допустим, сколько-то. А укладку же тоже делаешь на некий состав, на укладываемое средство. Или это гель, или это жидкость для укладки волос. Это ещё накрутка денег. А когда ты всё это уложила на эту жидкость, ты же должна зафиксировать причёску. Ещё брызгаешь сверху лаком. Рубль тридцать, таким образом, превращался в три рубля пять копеек. Три ноль пять, как сейчас помню. Но особенно состоятельные люди, которые приезжали за модельными стрижками, платили, как правило, пять рублей, вместо трёх ноль пяти. Это был праздник. Поэтому, конечно, опытные мастера, чтобы не тратить время на дешёвые позиции, дешёвые виды работ, они, конечно, ждали своих клиентов. У всех была своя клиентура. Так вот. Отработала я полтора месяца на практике, немножко набила руку и вернулась на курсы сдавать экзамены. На экзамене, если не ошибаюсь, нужно было сдать пять видов работ.

– То есть серьёзный экзамен?

– Очень серьёзный.

– Пять человек должна была обслужить? – спросил я и осекся. Впрочем, Таня не обратила внимания на мою оплошность, не показала вида.

– Можно было всё это продемонстрировать и на одном человеке, – вдохновенно продолжала девушка. – Но лучше, конечно, на нескольких. Нужна была модельная стрижка, потом нужна была классическая стрижка. Это самое сложное,

что может быть. Классическая мужская – в чём сложность? На затылке ты должна сделать некую ретушь, то есть, если мы берём на затылке нижнюю линию роста волос, где заканчивается на шее кожа и начинаются наши волосы. Это место называется «краевая линия роста волос». Там должен быть самый светлый оттенок и дальше постепенно он должен темнеть. Ножницами ты должна это так вывести. Но для этого ещё необходим определенный рост волос. Мужчин с таким ростом волос на затылке совсем немного. Поэтому Элвис, был у меня такой товарищ, стал просто находкой. Я сделала эту классику, потом модельную стрижку, затем укладку на льняное семя, бритьё. Да, Элвиса, по-моему, – я и побригла.

– У Элвиса фамилия Пресли?

– Чередилов. Элвис Чередилов.

– Понятно. Ему же, бедному, и льняное семя на голову?

– А как же? Он – молодец, стойко перенёс все эти мучения. Так что довольно-таки сложный был экзамен.

– Была, значит, мужским мастером?

– Да-да-да и учила причёски абсолютно мужские. Через три года переучивалась там же на женского мастера.

– Ты про мужского мастера дорасскажи.

– А что там рассказывать? После обучения пошла в парикмахерскую, находившуюся по адресу метро «Фрунзенская», Оболенский переулок, дом семь. Там проработала год или полтора. Работа рутинная, в день по десять-четырна-

дцать человек. Работа страшно нетворческая. Даже модельные стрижки, которые намекали на какое-то творчество, всё равно это было примитивное моделирование. Хотелось искусства, чего-то более возвышенного. И потом, у меня была подруга, Ольга Попова, мы с ней вместе учились, потрясающий мастер...

– А теория была при учёбе?

– Конечно. Даже обществоведению нас учили. А по специальности – санитария и гигиена. Помню, даже военное дело у нас было, как ни смешно.

– На курсах?

– Да. Хотя все мы были уже не школьницы и не школьники, мягко говоря.

– Советские реалии, что же ты хочешь.

– Потом материаловедение. Нужно было знать шампуни, кремы, ополаскиватели, бальзамы, укладочные средства, лаки, состав для химической завивки. Вот это всё – это материалы, материаловедение. Потом – история парикмахерского искусства от древних времён. Как в Египте, что там крутили фараоны своим фараонихам. История моды. То есть, натаскивали. И Ольга Попова была и остается настолько потрясающим творцом, что она меня своей энергией просто заразила. Самой захотелось как-то соответствовать. И потом, будем откровенны, в женском зале, там совсем другие деньги. Мужчины, даже те, которые приезжали на дорогих автомобилях, то есть, были побогаче, – всё равно у них к стриж-

ке было какое-то безразличие. У женщины никогда не бывает безразличия по поводу стрижки. Это совершенно другой мир. Мужской и женский залы соотносятся как школа и институт. Пойти в женский зал означает сразу перейти на уровень, а то и на два уровня выше. Пошла я учиться на женского мастера, на эти же курсы по той же схеме в Измайлово. Только уже десять месяцев. Семь с половиной месяцев на курсах, два с половиной месяца на практике, в парикмахерской. Потом – экзамены. И стала я женским мастером. Но имея опыт работы в мужском зале, я была в своей группе авторитетом. У меня был свой инструмент, дорогой на тот момент.

– Что входило в этот инструмент?

– Ножницы филировочные, ножницы простые, щётка для укладки волос, дорогая, заграничная. Фен дорогой, пистолетиком, мощный, свой пенуар, это такое, чем накрываешь, такая клеёнчатая штука. Потому что накрывали тогда простынями больничнообразными. Особое дело, конечно, расчёски. Немецкая фирма «Геркулес», очень хорошие. Они были антистатические. Очень хорошо прочёсывали любую толщину пряди и волосы брали. Волосы же слоями на голове растут.

– И куда ты пошла после женских курсов?

– Я вернулась в ту же парикмахерскую на Фрунзенскую, в Оболенский переулок, где проходила практику. Меня взяли дамским мастером. Там я наработала свою клиентуру, ко

мне записывались, было очень лестно. А потом Элвис открыл кооператив в Плехановском институте. Он, не помню, или учился там, или уже его закончил. Короче, Элвис меня туда переманил. Потому что с дисциплиной у меня было неважно, и заведующая парикмахерской на Оболенском переулке, она меня шпыняла.

Прогулявшись по бульвару, мы вернулись во двор.

Когда подходили к подъезду, разговор наш неожиданно зашёл о живописи. Таньшина стала рассказывать о том, что с самого детства брала уроки рисования, делилась своими предпочтениями в среде живописцев. Делала это легко, без пафоса, без зазнайства. Я улыбался, слушая её голос, был счастлив так, как давно уже не был.

– Можно я, с вашего разрешения, покурю? – спросила Таня.

– Покури. Хочешь, пойдём в дальний магазин, чего-нибудь сладкого тебе к чаю купим?

– Да. Давайте, ещё походим немножко. Мне надо проветриться. Вообще-то я мало курю, но сегодня понервничала.

– Ты только представь, что я живу здесь с тех самых пор, как мне исполнилось четыре года, – восторженно заявил я, счастливый от того, что шагаю рядом с прекрасной девушкой. – Посмотри, все эти дома, что вокруг нас, строил завод. На нашей улице стоят аж две пятиэтажные школы, и они битком были забиты детьми, по сорок человек в каждом классе, и учились мы в две, а случилось и в три смены. В моей крас-

ной школе места не хватало, первые три класса занимались в помещении учебных мастерских. И это не двадцатые-тридцатые, а семидесятые годы, в столице нашей Родины городе Москве. У нас тут было настоящее гетто, итальянский квартал. Все жили очень бедно, велосипедов практически ни у кого не было. Я об этом рассказываю своим коллегам по работе, они удивляются: «Серёжа, где ты жил?». И в каждом дворе столько детворы было, столько молодых, пожилых и старых людей, что ежедневно кого-то хоронили или играли свадьбу. Представь: сто детей в одном дворе. Двор с двором ходили стенка на стенку. Чуть позже, когда людей стало меньше, дрались улица на улицу. А вот, посмотри направо: этого длинного шестнадцатизэтажного дома не было. На его месте стояли в ряд жёлтенькие двухэтажные дома, в которых проживали офицеры с семьями. Тут, чуть поодаль, воинская часть располагалась. И вот, мимо этих жёлтеньких домиков, мимо окошек с ажурными занавесочками и неизменной геранью на подоконниках я каждое утро вместе с братом Андрюшей, он на год меня старше, маршировал в детский сад, держась за указательный палец отца.

– Напишите об этом книгу, – предложила Таня.

– А ты, кроме как на парикмахера, нигде больше не училась? – я резко сменил тему, так как девушка затронула сокровенное.

– Наоборот, где и чему я только не училась. Я и музыкант, и музыкальный теоретик. Правда, последнее образова-

ние у меня незаконченное. Не «конченный» я, так сказать, музыковед. А друзья мои все художники и музыканты.

– Странно, всегда думал, что есть художники и есть музыканты. И это две разные, несовместимые сферы искусства. И человеческое сознание не способно совмещать...

– А у меня совмещает, – настояла Таня и озорно засмеялась. – А заодно и театральную, и литературную. Да-да, у меня даже публикации есть.

– Может быть, ты – член Союза писателей?

– Ну, какой я писатель. На самом деле, я больше художник. Хочу в МОСХ вступить, в секцию живописи или в монументалку. Туда даже лучше.

– А что это – «монументалка»?

– Монументально-декоративное искусство.

– То есть, ты с живописью на «ты»?

– Председатель секции живописи МОСХа считает, что – да.

– И живописные работы есть?

– Имеются.

– Покажешь? Приподнимешь завесу тайны?

– Я никакой тайны из этого не делаю. Приходите как-нибудь в гости. У меня их здесь на самом деле мало.

– Ты ими торгуешь или собираешь к выставке?

– В основном, сейчас пишу портреты на заказ.

– То есть ты пока ещё непризнанный талант? Можно так сказать?

– Наверное, да.

– На портреты живёшь?

– На портреты. В школе, где я детям преподаю живопись, платят мало. Дедуля помогает. Он один у меня остался. Трачу, можно сказать, его похоронные деньги. И живу у него не потому, что за ним пригляд нужен, а по той причине, что квартиру на Алексеевской стала сдавать жильцам.

– Ого!

– Да. Но денег, как известно, всё равно ни на что не хватает.

– А отец как же? Дед по линии отца?

– Дед Тихон Макарович умер давно. От него двухкомнатная квартира осталась на Пятнадцатой Парковой. Там надо косметический ремонт сделать и тоже отдать в наём. А отец мой с новой семьёй эмигрировал во Францию. Живёт в Марселе, ему не до меня.

– Тебе домой надо идти?

– Я, на самом деле, домой не очень спешу.

– Тогда давай ещё погуляем, надо же тебе весенним сладким воздухом подышать.

– Давайте. Мне на самом деле надо отдохнуть. Я с этими заказами...

– Кроме портретов, есть и заказы?

– Да, заказы всякие. То картинки, знаете, где-то подмалевываю. У заказчиков денег много, а со вкусом – беда. Выбрали не мои эскизы, а другие. Это рекламное агентство, кото-

рое является посредником между мной и заказчиком. Они сказали, чтобы моя работа не пропадала, они из неё сделают афишку для другой фирмы. Пообещали и пропали. А я работала, спала по два, по три часа в сутки. Недели две с эскизами, и всё – коту под хвост. Пообещали заплатить и пропали. Ну, думаю, – молодцы. Вчера позвонили на телефон Ерофея Владимировича, я им его оставила, сообщили: «Директор вернётся из командировки, заплатим». Другая халтура была, матрёшки разрисовывала. Двое ребят организовали студию портретных матрёшек. Делают их по фотографиям, и в зависимости от количества членов семьи выходит количество матрёшек. Тоже засела в прошлое воскресенье за этот заказ. Я, конечно, раньше засела, но в красках делать начала в воскресенье. Сидела долго, сляпала. Заказчица должна была это дело забрать и не забрала. И – всё! Ребята молчат, больше заказов не дают. Может, с меня ещё денег ждут. Они болванки предоставляют, краски мои. А материалы ведь тоже денег стоят. Художником сейчас быть дорого. Если они мне ещё за болванки счёт выставят – вообще будут молодцы. А болванка – пятиместка. Вместо того, чтобы полезными делами заниматься, я на этих матрёшек воскресенье угробила.

– Тебе нельзя распыляться, ты и туда и сюда.

К этому моменту, обогнув двор, мы опять подходили к подъезду. Озадаченный её жалобами, – на вид Танышина не выглядела ни уставшей, ни в чём-то нуждающейся, – я всё же решил предложить ей свою помощь. Пообещал Тане

найти клиентуру на платные портреты. Записал её телефон, а точнее, телефон Ерофея Владимировича, стал диктовать свой, и тут вдруг, словно из-под земли, рядом с нами появилась моя жена.

– Так я и знала, кобель паршивый, что ты с этой... – закричала Галина и залепила мне оплеуху.

Я стал оправдываться, что-то говорить. Это было настолько неожиданно и, как мне показалось, совершенно незаслуженно. Случившееся было похоже на гром среди ясного неба, на скверную постановку в провинциальном театре. У этой сцены были зрители – Боев, Беридура, Элеонора Васильевна Вискуль, Зинаида Захаровна Медякова, сидевшие на скамейке у подъезда. Много других людей со двора.

Татьяна не знала, как на происходящее реагировать. Она одёрнула залаявшего Дастина, и, наспех попрощавшись, увела пуделя вглубь двора. Потом я узнал, что как только она отвернулась, так сразу же и заплакала.

– Бегом домой, – скомандовала Галина и, не оглядываясь, направилась к подъездной двери, за которой вскоре скрылась.

Делать нечего, как нашкодивший школьник, я поплёлся за женой следом. Но злоключения мои на этом не кончились, а можно сказать, только начались.

После пощёчины, прилюдно полученной от Гордеевой, домой меня не пустили. Причём, моя матушка, которая с Галиной всегда была в «контрах», на этот раз её поддержала.

Я поднялся на четвёртый этаж, позвонил в свою запертую дверь. Ключей у меня всё ещё не было. Из-за двери услышал голос матери:

– Иди к своей вертихвостке, у неё ночуй. Галя сказала, что жить с тобой не будет. Разведётся.

Делать нечего, я вышел на улицу, решил подождать, пока эмоции в доме улягутся.

Тем временем наступил поздний вечер, соседи, свидетели оплеухи, разошлись по домам. Я присел на освободившуюся скамейку у своего подъезда. Открылось кухонное окно пятнадцатой квартиры, что на первом этаже, и в нём показался Ерофей Владимирович.

– Заходи, без вины виноватый, – пригласил Ермаков, – я чайку со зверобоем заварил. Открыл банку с земляничным вареньем.

– Благодарю, только это и остаётся, – отшутился я.

– Давай-давай, я тебя жду, составь старику компанию, – настаивал Ерофей Владимирович.

Я подумал, что хуже уже не будет и решил подчиниться законам гостеприимства.

На кухне за чаем я всё не мог успокоиться, не оставляли мысли о случившемся. И, чтобы как-то развлечь меня, Татьяна принесла из комнаты колоду карт и стала показывать фокусы.

– Вы знаете, как делается фокус «вынимание кролика из шляпы»? – поинтересовалась девушка после того, как

Ерофей Владимирович оставил нас, отпросившись прилечь на минутку. – Знаете, почему его так обожают фокусники? Потому что это самый простой фокус из всех существующих.

– Расскажи, – предложил я, поощряя желание девушки меня приободрить.

– Для этого фокуса нужна только шляпа. Можно даже у зрителя взять.

– Даже так?

– Даже так.

– Я думал, необходима шляпа с двойным дном.

– В том-то и вся прелесть, что фокус простой, но очень эффектный. И подготовиться к нему очень легко. Конечно, его может делать и один фокусник, но лучше, когда у него есть ассистенты.

– Один играет на аккордеоне в качестве музыкального сопровождения, – стал подсказывать я, – а второй, подсадка в шляпе, сидит в первом ряду.

– Нет-нет-нет-нет, – отказалась от моего предложения Таня.

– Ну, хорошо, не буду перебивать.

– Я вам расскажу, как можно сделать фокус без всяких помощников. Более того, я могу обойтись, без сцены. В парке его показать, будучи окружённой толпой.

– Ты так легко всё это обещаешь. Брат у меня по профессии актер, летом будет выступать в нашем парке с эстрады. Сможешь показать этот фокус?

– Я могу много фокусов показать, но тут одна вещь.

– Нужен кролик?

– Ну, во-первых, кролик. А во-вторых, к этому нужно ещё подготовиться.

– Кролика в зоомагазине можно взять напрокат.

– А можно и не кролика, а например, кошку. Вон, их сколько у нашего подъезда. Любое животное, которое может смирно, тихо сидеть.

– Да, кролики тихо сидят, в отличие от кошки.

– Поэтому фокусники предпочитают работать с кроликами. Повторяю, этот фокус примитивный, легко исполняется, ничего не требует. Ты даёшь на проверку шляпу, её смотрят, щупают. Говорят, иллюзионист кроликов где-то за пазухой прячет, в рукаве. Так вот фокусник может быть в одних плавках.

– Это такая красивая девушка, как ты, может выйти в одних плавках, а над фокусником в трусах смеяться станут. Ты прямо какие-то чудеса рассказываешь. Форма одежды будоражит воображение сильнее предстоящего иллюзиона. Хочешь сказать, что фокус может проделать и голая артистка, наряженная лишь в туфли на высоком каблуке и бабочку?

– Да. Можно и в таком виде, – смеясь, подтвердила Таня. – Так вот. Есть одна маленькая тонкость. К фокусу надо подготовиться. А именно – цилиндр должен быть чёрным.

– А кролик?

– Любого цвета. Хоть светящийся, мигающий всеми огня-

ми и всполохами. Это неважно.

– Ты заинтриговала. Я, как говорят, весь – внимание.

– Как только расскажу, сразу поймёте, насколько просто этот фокус делается. Суть заключается вот в чём. Шьётся чёрный мешочек, в который сажается кролик. У мешочка есть металлический крючок. И когда фокусник выходит в плавках, показывает пустую шляпу и разговаривает с публикой...

– В это время мешочек с кроликом у него за спиной?

– Нет. Он же в плавках. Либо он его заранее заготовил, – подвесил где-то, либо если он ходит среди толпы, то там должен быть его человек, его помощник с мешочком.

– В котором сидит кролик, – уточнил я.

– Да, – согласившись, продолжала Таня. – Например, у фокусника столик. Обычный столик, открытый. Но он должен быть слегка украшен. Например, взяли и салфетку на него положили. Маленькую салфеточку на открытый столик. За край столика подвешен мешочек, он висит и на него никто не обращает внимания. Мимо ходят люди.

– Но тебе ассистент всё-таки понадобится, чтобы отвлечь публику на мгновение.

– Ничего подобного. Например, ты можешь выйти на эстраду в плаще, в одежде, с кроликом в кармане. И раздеваясь, снимая с себя всё, заодно повесить на край стола мешочек с кроликом. И вот, как вы мечтаете, артистка цирка разделась и полуголенькая в шляпе ходит, представляется. Сни-

мает шляпу, кланяется, делает реверанс. Один взмах рукой, очень изящный, и она поддевает шляпой этот мешочек. Кролик оказывается внутри шляпы.

– Хорошо бы ещё задник чёрный был, – включаясь в игру, подсказал я.

– Необязательно. Главное, – кланяться и рукой махать. Один взмах, другой, третий. А в какой взмах она подцепила мешочек, будут знать только кролик и фокусница.

Услышав, о чём мы говорим, на кухню вернулся Ерофей Владимирович и подключился к нашей беседе.

– Вы, наверное, слышали про братьев-близнецов, которые показывают иллюзию, выдавая себя за одного человека? В моей семье в иллюзионе принимало участие аж четыре поколения. Прадедушка, дедушка, папа и я, – все мы выдавали себя за одного человека.

– Это какой-то новый жанр? – не понял я. – Как вы могли выдавать себя за одного человека? Вы же не близнецы и потом, разного возраста.

– Именно, – обрадовался моему недоумению Ермаков. – Совершенно верно. Наше представление называлось «Эликсир молодости».

– Дедушка, расскажи Сергею подробно, как герой вашего спектакля у всех на глазах молодец, – попросила Таня.

– Такой вопрос, – зная набожность Ермакова, перебил вдруг я, – вера в Бога и демонстрация фокусов – вещи совместимые?

– А почему нет? – удивился Ерофей Владимирович. – Это же не жульничество, не мошенничество, а обычное представление. В цирке все артисты глубоко верующие люди. И всегда такими были, что бы там кто ни говорил.

– Ну, расскажи, – настаивала Таня.

– Охотно, – согласился Ермаков. – Во-первых, молодой человек должен знать, что я из прославленной цирковой династии. Не стану забивать вам голову своей родословной. Поверьте, все предки мои были известными в цирковом мире людьми. Во-вторых, возвращаясь к нашему знаменитому номеру, все мужчины в нашем роду были фенотипически очень похожи друг на друга. Практически близнецы с маленьким нюансом – разного возраста. Что, собственно, и привело к мысли о спектакле, слава о котором прогремела на весь мир. Ещё прадедушка начал работать его со своим сыном. Ну а когда в арсенале прадедушки появился внук и правнук, тут, как говорится, сам бог велел сделать иллюзию под названием «Эликсир молодости». Когда на свете меня ещё не было, они втроём работали номер под рабочим названием «Дориан Грей». Тогда очень популярно было произведение Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». И они делали нечто подобное, только на сцене не портрет, а человек на глазах у всех старился, а порезанный ножом портрет молодец. То есть на сцену выходил мой отец, будучи совсем ещё молодым человеком, и начиналось действие, в процессе которого на глазах у восхищённых зрителей он старел. Разыг-

рывалась целая мистерия. Вокруг героя в неверном свете под музыку ходили его приятели, женщины, недоброжелатели, мигал стробоскоп, а затем на героя направлялась так называемая «театральная пушка», яркий слепящий свет, и публика ахала. Не исчезая из вида, так сказать, не выходя из поля зрения, человек превращался в старика, а портрет молодел.

– С людьми-то понятно, менялись незаметно для глаз публики. Сына подменял отец, отца – дед, а как же с портретом? Как сделали, что портрет молодел?

– Какой он у тебя наивный, – засмеялся Ерофей Владимирович. – Это совсем просто. Заготавливались несколько картин, в том числе и запасных, на всякий случай, которые также незаметно подменялись.

– Чем представление заканчивалось? Старик на согнутых ногах шагал, неся перед собой портрет с изображением молодого Дориана Грея?

– Всё это присутствовало, но на этом точку ставить было нельзя, аплодисментов не заработаешь. Мы же были как боги в глазах людей. Вспышки, музыка, трах-тарабах, и на сцене, не сходя с места – снова молодой герой с целым портретом, на котором он тоже молодой. Вот тут публика начинала неистовствовать. Ведь у неё же на глазах происходило чудо. Да, с большим успехом они играли своё представление. «Как это всё происходит?» – никто понять не мог. Даже люди, посвящённые в тайну, и те наблюдали за работой моей семьи, раскрыв рот. Предки любили гастролировать. Все

приготовления держались в секрете, и принимающая сторона, как правило, ничего не знала. Это для всех был сюрприз.

– А когда вы работали в их номере «Эликсир молодости», сколько лет было вашему прадеду?

– Восемьдесят. Но перед омоложением он называл другую цифру. Всем говорил, что ему – сто двадцать.

– Правильно, чем он хуже сегодняшних жуликов, издающих книги о здоровье, которые пишут, что в свои шестьдесят им сто тридцать. И размещают на обложке свою пропитую физиономию.

– Прадед не жульничал, это же – сценический образ. Мы вчетвером играли и ещё один спектакль, кроме «Эликсира молодости». Показывали представление на Новый год. Выходил Старый год в наряде Деда Мороза, но только, разумеется, без всякого грима. И под звон курантов, так же под музыку, в окружении зайчишек, лисичек и белочек у всех на глазах молодел, превращаясь в Новый год. У него постепенно укорачивалась борода, а затем и вовсе исчезала.

– А как это делалось технологически? Как вы бороду укорачивали?

– Да не укорачивали, это уже были другие люди.

– А как подмену осуществляли? Заходя за елку?

– Да самое простое. На сцене имелся столбик, и за ним «заряженным», то есть готовым к выходу, стоял один из участников представления. Старый год шагал и якобы проходил сквозь столбик. Заходил за столбик, а «заряжен-

ный», выходя, как будто продолжал его движение.

– Знаете, – заявил я самонадеянно, – а я ведь тоже ваш. Хотите, расскажу, как я соприкоснулся с цирковой жизнью?

– Всенепременно, – поддержал меня Ерофея Владимирович.

– Началось всё с того, – стал хвастаться я, – что подобрал я на улице котёнка. Маленького, беспомощного. Кузе, так я его назвал, был всего месяц. Принёс я его домой, накормил, приучил к лотку и стал заниматься его пристраиванием. Звонил друзьям, соседям, никто не изъявлял желания забрать котёночка. Небезызвестная вам Зинаида Медякова предложила мне: «А ты его надрессируй и отдай Куклачёву». Все, услышавшие её совет, включая вашего покорного слугу, над ней посмеялись. Легко сказать, «надрессируй». Дрессура – штука тяжёлая. Но всё же в голове моей эта мысль застряла, и я стал пробовать, принялся проводить с Кузей занятия. Котёнок был игривый, контактный, и вскоре мы добились с ним первых результатов. Я соорудил невысокую круглую тумбу, обитую плюшем. С неё наше представление и начиналось. Я научил Кузю делать стойку. Он замирал, сидя на задних лапах, спина у него при этом держалась прямо, лапки – на груди, а подбородок приподнят. Затем, по моей команде, он прыгал на мою подставленную ногу, забирался по мне на плечи и дважды обходил вокруг моей головы. Первый круг – по плечам, спине и груди, второй круг – по кольцу из моих сомкнутых рук, которые я держал перед собой.

Затем Кузя спрыгивал на стул, стоящий рядом, а с него через препятствие – подставленную руку, – он перепрыгивал на тумбу. И по моей команде: «Ап!», – делал стойку. Предполагаемые зрители в этот момент должны были устроить ему овацию. Разумеется, после каждого выступления, удачного и не слишком, я Кузьму вкусно кормил.

Таня и Ерофей Владимирович, не сговариваясь, одновременно громко захлопали в ладоши.

– Правда-правда, – смущаясь и краснея, стал уверять я.

– Верю каждому вашему слову, – успокоил меня Ермаков. – Но вынужден извиниться, я ещё не вполне здоров, пойду, прилягу.

– А что с вами? Что тревожит?

– Да видишь ли... Тут такое дело. Три года назад четырёхлетнего ребёнка заперли в комнате, он включил приёмник и слушал радио, религиозную передачу. Взрослые Новый год отмечали, уединились, чтобы дитё им не мешало. А затем смотрят, ребёнок не спит, привели в комнату, где ёлка и накрытый яствами стол. Поставили Толика на табурет и попросили почитать что-то из любимого наизусть. Повеселить, так сказать, пьяненьких сытых гостей. А тот возьми да и прочитай им псалом сто тридцать восьмой, который слышал только что по приёмнику. Да слова сказанные священником о суете, как то: «С самого детства окружаем мы человека мелочностью, ложью. Внушаем ему не искать, не жаждать глубины, а желать мелкого, призрачного счастья и ма-

ленького призрачного успеха. Потому что приковываем его внимание к суете и тщетному. И вот зарастает в нём тайный орган света и любви. И наполняется его мир липкими потёмками неверия, скепсиса, эгоизма, ненависти и злобы. Но и в этих потёмках, в этом страшном падении и измене, – не оставил нас Бог». Элеонора Васильевна решила, что это я Толика всей этой «религиозной мути» научил и пригрозила, что не станет больше просить меня сидеть с младшим сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.